

Зона ИКС

misterium

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ



ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР АННИГИЛЯЦИЯ

ЖУТКО И ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ

Стивен Кинг



ЭКСМО

Annotation

Никто не знает, откуда взялась Зона Икс – смертельно опасная территория, кишущая аномальными явлениями. Там не бегают чудовища, оттуда не приносят трофеев, и охотники за наживой там не промышляют. Тайная правительственная организация отправляет в Зону одну исследовательскую экспедицию за другой, но чаще всего те не возвращаются – или возвращаются, но неуловимо и страшно изменившись. Сможет ли новая, двенадцатая, экспедиция в Зону добиться того, что не удалось предшественникам, и раскрыть тайны этого проклятого места? Оставив позади имена и прежние жизни, четыре женщины – психолог, биолог, топограф и антрополог – отправляются навстречу чуждой, нечеловеческой тайне...

Джефф Вандермеер
Аннигиляция

Посвящается Энн

01: Проникновение

Башню мы обнаружили случайно. Она торчала из земли как раз на границе между сосняком и топью, за которой шла заросшая камышом и скрюченными деревьями болотистая низина. Оттуда к океану тянулись естественные протоки, на побережье стоял заброшенный маяк. В этих краях никто не жил вот уже который десяток лет, но о причинах вкратце не расскажешь. В последний раз экспедицию в Зону Икс отправляли два с лишним года назад, и бóльшая часть оборудования, оставшегося от наших предшественников, проржавела, навесы обветшали, а палатки истлели. Глядя на эти девственные просторы, едва ли кто-то из нас мог предвидеть таившуюся там угрозу.

Нас было четверо: биолог (это я), антрополог, топограф и психолог. На этот раз, в соответствии с мудреным набором параметров, по которым отбирался состав экспедиции, взяли только женщин. Главной назначили психолога, самую старшую из нас. Под ее гипнозом мы безболезненно пересекли границу. Затем последовал четырехдневный марш-бросок до побережья.

Руководство поставило простую задачу: добраться до базового лагеря и продолжить изучение Зоны Икс.

Экспедиция могла продлиться несколько дней, месяцев или даже лет, в зависимости от обстоятельств. наших припасов (главным образом консервы и концентраты) хватало на полгода, тех, что хранились в лагере, – еще на пару лет. Кроме того, при необходимости можно было без опаски перейти на подножный корм. Помимо прочего снаряжения каждой из нас выдали по странной металлической коробочке с лампочкой посередине, что-то вроде дозиметра. Если лампочка загорится красным, у нас есть тридцать минут, чтобы найти «безопасное место», но что именно измеряет прибор и о какой опасности он предупреждает, нам так и не разъяснили. Через несколько часов я привыкла к тому, что он болтается у меня на ремне, и больше не обращала на него внимания. Часы и компасы брать запретили.

В лагере мы первым делом разбили палатки и проверили оборудование – часть пришла в негодность, и его следовало заменить. Навесы решили перестроить позже, как только убедимся, что не попали под влияние Зоны. Предыдущая экспедиция распалась, и ее участники один за другим исчезли. Однако пропавшими – в прямом смысле слова – их назвать было нельзя: постепенно, в течение полутора лет, все вернулись к своим семьям. По-прежнему неизвестно, как им удалось перенестись из Зоны Икс и очутиться в нашем мире, сами они тоже толком ничего объяснить не смогли. Подобного с экспедициями еще не случалось – хватало и других причин, заставлявших, как выражалось руководство, «досрочно свернуть экспедицию». Так что нам предстояло выяснить, насколько мы устойчивы к воздействию Зоны.

Кроме того, предстояло привыкнуть к местной среде. В лесу рядом с лагерем обитали барибалы и койоты. Можно было ненароком спугнуть квакву и от неожиданности наступить на ядовитую змею, которых здесь водилось не менее шести видов. В трясинах и речках скрывались огромные рептилии, так что пробы воды мы старались забирать где помельче. Впрочем, местная фауна нас беспокоила мало – тревожило другое. Когда-то здесь жили люди, и нам попадались пугающие останки их поселений: то полусгнившие домики с провалившимися крышами, то ржавые колеса, торчавшие из земли, то холмики трухи вперемешку с осыпавшейся хвоей на месте заборов.

Но больше всего пугал громкий заунывный стон, раздававшийся с наступлением сумерек. С моря задувал ветер, в лесу же было до странного тихо, и от этого нам никак не удавалось определить источник звука – он будто доносился прямо из поросшего кипарисами болота. В воде, черной и неподвижной, как в зеркале отражались лоскуты мха, бородой свисавшего с ветвей. Если смотреть в сторону океана, то глазам представала сплошь черная вода и серые стволы кипарисов, облепленные мхом, а в ушах стоял один лишь стон. Зона была странной и по-своему красивой... Впрочем, как ни описывай, словами этих ощущений не передать: их нужно испытать самому. Но стоит разглядеть красоту в запустении, и что-то в тебе меняется. Запустение начинает завладевать тобой изнутри.

Как я уже писала, башню мы обнаружили между лесом и болотом, переходившим в солончак. Шел четвертый день нашего пребывания в лагере, и мы уже практически освоились в незнакомой обстановке, но такой находки не ожидали. Ни на наших картах, ни в отсыревших, покрытых грязными разводами документах, оставленных предшественниками, ничего подобного не упоминалось. Свернув с тропы, мы наткнулись на выход породы, полускрытый мхом и кустарником. При ближайшем рассмотрении это оказалась часть круглой постройки из ракушечника, метров двадцать в диаметре и чуть выше щиколотки. На поверхности – ни надписей, ни меток, по которым можно было бы определить, кто ее соорудил и зачем. Ровно на севере чернело прямоугольное отверстие, затянутое паутиной и заваленное ветками, листвой и прочим мусором. Вниз спиралью уходила лестница, изнутри тянуло прохладой.

Поначалу только мне показалось, что это башня. Не знаю, почему именно это слово пришло в голову: она ведь почти целиком уходила под землю и скорее напоминала бункер или туннель. Однако стоило мне увидеть лестницу, как в памяти тут же всплыл маяк на берегу, а перед глазами замелькали образы участников предыдущей экспедиции. Вот они исчезают, один за другим, а вот Зона меняется по какому-то лишь ей ведомому принципу. При этом маяк остается на своем привычном месте, а его перевернутый близнец возникает здесь, вдали от воды. Видение было таким живым, таким подробным – и, оглядываясь назад, я, пожалуй, назову его первой странностью, произошедшей со мной с момента прибытия.

– Такого не бывает, – сказала топограф, сверяясь с картой.

Ее лицо скрывала холодная тень, и от этого слова прозвучали тревожно. Смеркалось, и все шло к тому, что исследовать «небывальщину» пришлось бы с фонарями, хотя я была бы не против вовсе туда не соваться.

– Значит, все-таки бывает, – возразила я. – Не привиделось же нам всем.

– Никак не могу определить архитектурный стиль, – произнесла антрополог. – Камень вроде бы отсюда, но это вовсе не значит, что строили местные. Пока не заглянем внутрь, нельзя сказать, примитивная эта постройка, современная или что-то среднее. Возраст я тоже угадывать не берусь.

Сообщить руководству о находке мы не могли. Одно из правил экспедиций в Зону Икс гласило: никакой связи с внешним миром (видимо, чтобы ничто не сумело проникнуть через границу). За исключением странных черных коробочек, у нас не было ничего высокотехнологичного: ни сотовых телефонов, ни компьютеров, ни портативных видеокамер, ни сложных измерительных приборов. Чтобы проявить снимки, нужно соорудить импровизированную фотолабораторию. Я всю жизнь обходилась без сотового, а вот мои спутницы чувствовали себя будто на другой планете. Из оружия у нас с собой имелись мачете, старые пистолеты в запортом ящике и одна штурмовая винтовка

(руководство все-таки выдало ее, хоть это и шло вразрез с правилами безопасности).

От нас требовалось только вести записи вроде вот этой, в журналах вроде вот этого: легких, водонепроницаемых, практически неуничтожимых, в гибкой черно-белой обложке, с линованными листами. Либо мы привезем их с собой назад, либо их заберет следующая экспедиция. Отчеты надлежало писать во всех подробностях, чтобы их мог понять любой, даже незнакомый с Зоной Икс, при этом делиться записями друг с другом строго воспрещалось. Как считало руководство, «обобществление информации вредит объективности наблюдений». Однако я уже давно убедилась в том, что ни о какой объективности не может быть и речи. Пока ты живешь и дышишь, пусть ты отрешен от мира, пусть тобой владеет только всепоглощающая жажда истины, быть подлинно беспристрастным не выйдет.

– Меня будоражит эта находка, – вмешалась психолог. – Вы тоже взволнованы?

Подобных вопросов она нам еще не задавала. Во время подготовки в основном звучало что-то типа: «Можете ли вы сохранять самообладание перед лицом опасности?» Мне и тогда она напоминала плохого актера, а сейчас еще больше. Такое ощущение, что в шкуре лидера ей было не по себе.

Я не хотела передразнивать ее, но не сдержалась:

– Да, определенно... будоражит.

Меня вдруг охватило беспокойство – прежде всего потому, что я представляла себе все что угодно, но только не это. До того как мы пересекли границу, мне грезились огромные города, необычные твари и даже (когда я слегла с температурой) гигантское чудище, которое вылезло из воды и проглотило наш лагерь. А башня – как-то слишком просто.

Топограф не ответила, лишь пожала плечами. Антрополог молча кивнула, как бы соглашаясь со мной. Лестница уходила в темноту, и это позволяло воображению разыграться вовсю. От мысли о том, что таилось внутри башни, по спине бежали мурашки.

Я не стану называть имена своих спутниц – зачем, если через пару дней в живых из них останется только топограф? Кроме того, нам с самого начала внушали: «Никаких имен, все личное должно остаться в стороне и не отвлекать от выполнения поставленной задачи». Имена остались дома. В Зоне Икс они нам не принадлежали.

* * *

С нами должна была пойти пятая участница – лингвист. Для подготовки к переходу через границу каждую из нас завели в отдельную ослепительно белую комнату. В дальней стене комнаты находилась дверь, в углу стоял металлический стул с прорезями для ремней. Вид его вызывал нехорошие предчувствия, но я уже настроилась попасть в Зону Икс во что бы то ни стало. Комнаты эти, как и все здание, принадлежали «Южному пределу» – секретному правительственному учреждению, которое курировало изучение Зоны Икс.

Мы сидели и ждали, пока снимут бесконечные показания; из вентиляционных решеток в потолок нас обдувало потоками воздуха, то холодными, то горячими. В какой-то момент каждую из нас посетила психолог, но самой беседы я не помню. Затем мы вышли в центральную переходную зону: длинный коридор, заканчивающийся двойными дверями. Психолог уже стояла там, а вот лингвист так и не появилась.

– Она передумала и решила остаться, – объяснила психолог и строгим взглядом

пресекла дальнейшие вопросы.

Вместе с некоторым потрясением мы испытали и облегчение: уж лучше лингвист, чем кто-то другой. Тогда казалось, ее навыки нам пригодятся менее всего.

– Теперь очистите свой разум от мыслей, – приказала психолог через минуту.

Это значило, сейчас она загипнотизирует нас, а потом и себя: такая предосторожность, как нам объяснили, позволит пересечь границу без вреда для психики. Вероятно, переход часто сопровождался галлюцинациями. Во всяком случае, так нам говорили. Я больше не уверена, что это правда. В целях безопасности нам не стали рассказывать, что же собой представляет эта «граница» – только то, что ее не видно невооруженным глазом.

Очнулись мы уже в Зоне, при полном походном снаряжении, в тяжелых ботинках, с двадцатикилограммовыми рюкзаками на плечах и увешанные разного рода дополнительными припасами. Меня и топографа шатало, у антрополога подкосились ноги. Психолог терпеливо ждала, пока мы придем в себя.

– Простите, – сказала она. – Менее болезненного перехода у меня не получилось.

Топограф выругалась и посмотрела на нее испепеляющим взглядом. С характером – видно, за это ее и взяли. Антрополог поднялась на ноги без жалоб. Мне же было интереснее осмотреться, чем искать в таком неприятном «пробуждении» личную обиду. Например, я заметила жесткую усмешку, мелькнувшую на губах психолога, когда она смотрела, как мы с трудом приходим в себя, как антрополог, рассыпаясь в извинениях, пытается встать ровно и не может. Лишь потом мне подумалось, что я неверно истолковала эту гримасу: она вполне могла выражать боль или страх.

Мы стояли на тропе, устланной камнями, опавшей листвой и сырой на ощупь хвоей, где копошились бархатистые муравьи и изумрудно-зеленые жучки. По обеим сторонам высились сосны, между ними быстрыми тенями мелькали птицы. Воздух был удивительно свеж – настолько, что некоторое время с трудом получалось надыхаться. Мы отметили место входа, привязав к одному из деревьев кусок красной ткани, и отправились вперед, в неизвестность. Если с психологом что-то случится и она не сможет вывести нас по окончании экспедиции, нам приказали вернуться сюда и ожидать «извлечения». Как оно будет происходить, никто толком не объяснил. Оставалось предполагать, что руководство каким-то образом наблюдало за этим местом через границу.

Нам запретили оборачиваться по прибытии в Зону, но я улучила момент, пока психолог отвлеклась. Трудно сказать, на что это было похоже: нечто смутное, расплывчатое и очень далекое. Вспышка света, которая тут же погасла, – как будто портал или ворота. А может, обман зрения.

* * *

Причины, по которым я вызвалась пойти в экспедицию, никак не связаны с моей профессией – хотя, скорее всего, именно благодаря ей меня и взяли. Я специалист по смешанным природным зонам, а в данной местности таких было несколько, что способствовало появлению большого многообразия экосистем. Едва ли в мире нашелся бы еще один уголок, где в пределах шести-семи километров соседствовали бы лес, болото, солончак и пляж. В Зоне Икс можно было встретить морских обитателей, приспособившихся к жизни в губительной для них пресной воде. Во время отлива они заплывали в заросшие

тростником естественные протоки и по ним – туда, где жили выдры и олени. На пляже, испещренном норами манящих крабов, водились огромные рептилии, тоже привыкшие к новому ареалу.

Я понимала, почему никто больше не жил в Зоне Икс и что именно поэтому она оставалась такой нетронутой, но старалась выбросить это из головы. Я воображала, что вокруг нас просто заповедник, а мы – туристы, по чистой случайности оказавшиеся учеными. В конце концов мы не знали толком, что здесь произошло и чего еще ждать, а любые готовые теории мешали бы смотреть на факты объективно. В общем, не важно, какую ложь я внушала себе: дома меня ничто не держало – он стал таким же чужим и пустым, как Зона, а идти мне больше было некуда. Что внушали себе остальные – не знаю и знать не хочу, но думаю, ими двигало хоть какое-то подобие любопытства. Без любопытства тут недолго и свихнуться.

Вечером мы говорили о башне, хотя мои спутницы продолжали называть ее туннелем. Каждая из нас сама выбирала, как выполнять поставленную задачу, и на основании этого психолог выработывала общую стратегию. Правила экспедиции давали каждому участнику некоторую долю самостоятельности в принятии решений для того, чтобы «предоставить дополнительные альтернативы».

Подобный принцип прослеживался и в отношении тех навыков, которыми мы обладали. Например, всех нас научили обращаться с оружием и выживать в дикой среде, однако топограф умела стрелять и оказывать первую помощь гораздо лучше остальных. Антрополог раньше была архитектором – как-то ей даже пришлось спастись от пожара в здании, построенном по ее проекту (кстати, единственная подробность из ее биографии, которую мне удалось выяснить). О психологе же мы не знали практически ничего, кроме того, что она, возможно, когда-то работала менеджером.

Вопрос о том, что делать с башней, стал первым серьезным поводом проверить, готовы ли мы идти на компромисс.

– По-моему, не следует заикливаться на туннеле, – сказала антрополог. – Предлагаю еще осмотреться, собрать больше данных, обследовать маяк, а уже потом вернуться туда.

Самый простой и безопасный вариант – очень ожидаемо и отчасти пророчески со стороны антрополога. Хотя составление новых карт мне с самого начала казалось ненужным, я не могла отрицать, что на старых никакой башни нет. Чего еще там не хватало?

– Туннель, – взяла слово топограф, – потенциальный источник угрозы. Пока не разберемся с ним, дальше идти опасно. Это все равно что оставлять врага за спиной.

Она служила в армии и сейчас мыслила по-военному – весьма кстати, надо сказать. Я-то полагала, ей как топографу важнее всего картографирование. Тем веселее звучало ее предложение исследовать башню.

– Мне не терпится изучить местную экосистему, – сказала я, – но раз «туннель»... или «башня», еще неясно... отсутствует на картах, это что-то да значит. Либо карты подчистили намеренно... что само по себе может служить предостережением... либо прежде здесь и правда ничего не было.

Топограф взглядом поблагодарила меня за поддержку, хотя я руководствовалась совершенно иными соображениями. Я никак не могла отвязаться от мыслей о башне: она манила и в то же время вызывала что-то вроде приступа акрофобии. Не знаю, чего было больше – страха или энтузиазма: мне чудились то дивные узоры раковин наutilusов, то обрыв и падение в бездну.

Психолог задумчиво кивнула, взвешивая наши предложения, затем спросила:

– Ни у кого еще не возникло желания уйти?

Вопрос был вполне уместен, но все равно оставил неприятный осадок.

Мы помотали головами: такого желания не возникало.

– А ты сама что скажешь? – спросила топограф.

Ухмылка на лице психолога казалась совсем неуместной. Впрочем, она ведь должна была понимать, что кому-то из нас могли поручить следить за ее поведением. Видимо, ее забавляла мысль, что на эту роль назначили не биолога или антрополога, а топографа – по сути своей специалиста поверхностного.

– Признаюсь, у меня нехорошие предчувствия, хотя трудно сказать, чем они вызваны. То ли обстановкой в целом, то ли нашей внезапной находкой. Лично я за то, чтобы в первую очередь разобраться с туннелем.

С башней.

– Что ж, три против одного. Решено. – Антрополог с облегчением вздохнула.

Топограф пожала плечами. Видимо, насчет любопытства я ошиблась – ее, казалось, ничего не интересовало.

– Скучно? – спросила я.

– Неохота сидеть сложа руки, – ответила она, обращаясь ко всем сразу, как будто я говорила от лица группы.

Совет держали в импровизированном «штабе». Снаружи уже стемнело, и в сумерках вновь зазвучал тоскливый стон. Мы решили списать его на какое-нибудь природное явление, но вздрагивать от этого не перестали. Посчитав стон сигналом ко сну, мы разошлись по палаткам, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Какое-то время я лежала с открытыми глазами, пытаюсь представить башню как туннель или хотя бы шахту, но тщетно. Вместо этого в голове крутился один и тот же вопрос: *что же скрывается в самом низу?*

* * *

Во время марш-броска от границы к базовому лагерю, который располагался неподалеку от побережья, ничего необычного не произошло. Птицы пели как ни в чем не бывало, олени, мелькая белыми хвостиками, разбегались по зелено-бурому подлеску, криволапые еноты, не обращая на нас внимания, шли по своим делам. После нескольких месяцев, проведенных взаперти, бесконечных тренировок и курсов от свободы кружилась голова. В коридоре мы вообще были изолированы от всего – даже от самих себя: уже не прежних, еще не нынешних.

Накануне прибытия в лагерь наш идиллический настрой несколько сбила встреча на тропе с огромным вепрем. Поначалу мы едва различили его вдалеке, даже в бинокль, а вот он нас учуял (у вепрей неважное зрение, но очень острое обоняние). Не дошли мы до него и ста метров, как он с топотом понесся прямо на нас... Правда, время подготовиться было. Все достали мачете, а топограф сняла с плеча штурмовую винтовку. Вепрь весил центнера три, и хотелось верить, что пули его бы остановили. Тем не менее никто не торопился отстегивать ящик с пистолетами и вскрывать тройной замок – все боялись отвести взгляд от надвигающейся туши.

Психолог не успевала подобрать какое-нибудь внушение, чтобы заставить нас сосредоточиться и взять себя в руки, поэтому ограничилась криком:

– Держитесь от него подальше! Не дайте ему коснуться вас!

А зверь все приближался и приближался...

Антрополог нервно посмеивалась от абсурдности происходящего: близится опасность, а ты стоишь и ждешь. Одна топограф не растерялась: упала на колено и уперла винтовку в плечо, чтобы лучше прицелиться. Мы лезли с советами, самым полезным из которых было: «Стреляй, только если не будет другого выхода».

Я достала бинокль. Чем ближе надвигался вепрь, тем более странной становилась его морда. Ее всю перекосило, как будто зверя мучила страшная боль. Казалось бы, морда как морда – широкая и вытянутая, но глаза закатились, а голову тянуло влево, словно за невидимым поводком. От этого становилось не по себе. В глазах вепря пробежали какие-то искорки, но утверждать наверняка не берусь. Могло и показаться, так как у меня тряслись руки.

Что бы там ни мучило вепря, оно вскоре свело на нет всю его агрессию. С пронзительным воплем – точно в агонии – он резко свернул влево в подлесок. Когда мы подошли туда, от зверя остался лишь след из потоптанной травы и поломанных кустов.

Еще несколько часов я была погружена в свои мысли, пытаясь найти логическое объяснение увиденному, какую-то разумную с точки зрения биологии гипотезу. Например, мозговые паразиты или что-то вроде того. Еще через некоторое время встреча с вепрем смешалась со всеми остальными впечатлениями от похода, и я снова смотрела вперед.

* * *

На следующий день мы встали пораньше, позавтракали и потушили костер. Утро дышало обычными для этого времени года свежестью и прохладой. Топограф сломала замки на ящике с оружием и раздала всем по пистолету, себе же оставила винтовку (в дополнение к прочим преимуществам на ней был закреплен фонарик). Мы не планировали так скоро открывать ящик, и хотя никто не возражал, я почувствовала, что все напряглись. Участники второй экспедиции в Зону Икс застрелились сами, участники третьей перестреляли друг друга, и руководство перестало выдавать оружие. Запрет сняли только к нашей экспедиции (двенадцатой по счету), после того как несколько групп подряд обошлись без убийств.

Мы вернулись к башне. Солнце пробивалось сквозь полог мха и листвы, создавая островки света на поверхности входа. Обычный проем, вовсе не страшный... но даже для того, чтобы подойти к нему, требовалось усилие воли. Краем глаза я увидела, как антрополог смотрит на коробочку. Загорись лампочка красным, мы бы не стали соваться внутрь, а занялись бы другими делами. Но прибор не подавал признаков жизни, и я втайне радовалась, что все обошлось, пусть мне было и не по себе.

– Как думаете, он глубокий? – спросила антрополог.

Психолог нахмурилась.

– Не забывай, что мы полагаемся на твои расчеты. Цифры не лгут. Диаметр сооружения – восемнадцать метров семьдесят два сантиметра, высота над землей – сто восемьдесят семь с половиной миллиметров. Лестница выходит точно на север или почти на север. Будем надеяться, это впоследствии прольет свет на то, как строили туннель. Наконец, он сделан из ракушечника – не из металла или кирпича. Будем исходить из этого. А раз на картах ничего не отмечено, значит, завалы вокруг него только недавно разворошило ветром.

Вера психолога в непогрешимость расчетов и то, как она объяснила отсутствие башни на картах, внушали... доверие, что ли? Возможно, ей хотелось успокоить нас, но по мне она скорее успокаивала себя. Ее назначили главной – следовательно, рассказали больше, чем нам, и ей приходилось трудно и одиноко.

– Ладно, это какой-нибудь погреб метра два в глубину. Заглянем и продолжим заниматься делом, – бросила топограф шутливым тоном, но «погреб», кажется, у всех вызвал ассоциацию со словом «погребать».

Повисло молчание.

– Послушайте, я по-прежнему не вижу здесь туннеля. Только башню, и ничто иное, – решила признаться я: лучше сейчас, чем там, внутри, даже если спутницы сочтут, что я спятила.

Как хотите, но это была башня, закопанная в землю, и от мысли, что мы стоим на ее вершине, подкашивались ноги.

Все уставились на меня так, будто это я издавала странные стоны по ночам. Спустя мгновение психолог неохотно уступила:

– Думай, что хочешь, если тебе так спокойнее.

И снова молчание. Тишину нарушал жук, круживший под сенью листвы среди крупинки пыли. Думаю, только теперь мы полностью осознали, где находимся.

– Я спущусь первой и осмотрюсь, – вызвалась топограф, и мы с радостью поддержали ее решение.

Ступеньки были очень узкие и крутые, так что спускаться приходилось спиной вперед. Пока мы ветками убрали паутину, топограф закинула винтовку за спину и собрала волосы в тугий хвост, отчего кожа на ее лице натянулась. Напоследок она ненадолго задержалась, глядя на нас снизу вверх. Может, надо было ее остановить? Предложить какой-нибудь другой план действий? Даже если и так, ни у кого не хватило духу.

Со странной, будто осуждающей ухмылкой топограф начала спускаться. Темнота поглотила ноги, потом плечи и наконец лицо. Меня это напугало не меньше, чем если бы, наоборот, из темноты кто-то возник. Мой нечаянный вскрик привлек внимание психолога. Антрополог вглядывалась в проем и ничего вокруг себя не замечала.

– Все в порядке? – крикнула психолог в темноту.

Прошла всего секунда – что могло измениться?

Снизу донеслось ворчание – видимо, топограф подумала то же самое. Некоторое время мы слышали только, как она осторожно спускалась по крутым ступеням. Затем все затихло – и вдруг снова шаги, но уже в ином ритме, будто внизу был кто-то еще. Не успели мы испугаться, как топограф крикнула:

– Этаж чист!

Этаж. Во мне что-то затрепетало: значит, это все же могла быть башня!

Настал черед спускаться мне с антропологом. Психолог оставалась караулить.

– Идите, – бросила она небрежно, как учитель, отпускающий класс на перемену.

Меня вдруг охватило какое-то непонятное чувство, а перед глазами замелькали черные точки. Я с такой поспешностью последовала за антропологом через остатки паутины, в которой болтались высушенные тельца насекомых, что чуть не столкнула ее с лестницы. Прежде чем уйти в холодную и затхлую темноту, я подняла глаза: психолог задумчиво смотрела на меня. За ее спиной виселись деревья, а сквозь листву проглядывало ослепительно синее небо.

Внизу все тонуло во мраке. Стало холоднее, и мох поглощал звук шагов. Наконец лестница (я насчитала в ней не менее полусотни ступенек) привела нас в зал. Потолок был высотой метра три – значит, над нами лежал слой породы почти такой же толщины. Источником света служил фонарик на винтовке топографа. Она изучала стены – серые и ничем не примечательные, покрытые трещинами то ли от времени, то ли от мощного сотрясения. Помещение было того же диаметра, что и надземная часть, – еще один аргумент в пользу моего представления о том, что это цельное сооружение, вкопанное в землю.

– Оно уходит глубже, – сказала топограф.

Она повела винтовкой в сторону, противоположную той, откуда мы вошли: там виднелась сводчатая арка, за которой чернела пустота – похоже, еще одна лестница. И все-таки башня. А это даже не этаж – чердак или, скажем, площадка для стрелков. Топограф двинулась к арке, а я никак не могла оторваться от стен. Они завораживали, несмотря на то что были совершенно пустыми. Я попыталась представить себе, кто способен построить такое, но не получилось.

В памяти снова всплыли очертания маяка. В первый раз я увидела его вечером после того, как мы добрались до базового лагеря. Никто не сомневался, что это маяк, поскольку его расположение совпадало с картой, и все сразу сошлись на том, что именно так маяк и должен выглядеть. Увидев его, топограф с антропологом даже испытали облегчение: то, что он был не только на карте, но и в реальности, успокаивало, давало почву под ногами. А то, что мы понимали его предназначение, успокаивало еще больше.

О башне же мы не знали ровным счетом ничего. Не могли представить, как она выглядит. Не понимали, зачем она нужна. Даже попав внутрь, мы ни на шаг не приблизились к разгадке. Психолог может сколько угодно повторять размеры «вершины» башни, но сами по себе эти цифры не несут никакого смысла, и цепляться за них – чистой воды сумасшествие.

– Стены образуют правильную окружность, из чего можно сделать вывод, что здание строили по чертежу, – сказала антрополог.

Здание. Значит, она уже не так уверена, что это туннель.

Состояние, охватившее меня наверху, начало спадать, уступая место накопившимся в голове вопросам.

– Но зачем оно нужно? Почему его не нанесли на карту? Может, его построили наши предшественники, а потом спрятали?... – без перебоя тараторила я, не дожидаясь ответа.

Все вроде бы шло нормально, но меня переполняло непреодолимое желание чем-то заполнить тишину. Казалось, стены питаются ею, и если мы замолчим, то что-то случится. Поделись я этим ощущением с психологом, она бы наверняка насторожилась. Однако я больше остальных знала, что такое одиночество, и в ту минуту, могу поклясться, башня наблюдала за нами.

– Смотрите! – Возглас топографа оборвал меня на полуслове, наверняка к облегчению антрополога.

Топограф направила фонарик в проем под аркой, и мы поспешили к ней. Там действительно была еще одна лестница, на этот раз не столь крутая и с более широкими ступенями, но сделанная из того же материала. Примерно на уровне плеча (может, в полутора метрах от пола) по внутренней стене тянулись, как мне сперва показалось, густо переплетенные лианы, тускло светившиеся в темноте. Вдруг – совсем не к месту – вспомнился цветочный узор на кафеле в нашей с мужем ванной. Присмотревшись, однако, я увидела, что «лианы» на самом деле образуют будто написанные от руки буквы и слова,

отстоящие от стены где-то на длину ладони.

– Посветите, – попросила я и протиснулась на лестницу.

В висках заколотилась кровь, от стука закладывало уши. Несколько шагов дались мне нечеловеческим усилием воли. Сама не знаю, что меня туда потянуло. С другой стороны, я же биолог, а растительное образование вроде бы выглядело природным. Будь здесь лингвист, я бы, пожалуй, пропустила вперед ее.

– Только не вздумай трогать, – предостерегла антрополог.

Я рассеянно кивнула. Находка настолько меня заворожила, что если бы мне вдруг захотелось дотронуться до букв, я бы не удержалась.

И вот я подошла ближе. Удивилась ли я, что слова написаны на понятном языке? Да. Наполнило ли это меня радостью и страхом одновременно? Да. В голове тут же созрела тысяча новых вопросов, но я задушила их и самым спокойным голосом, на который только была способна в этот, несомненно, переломный момент, прочла:

– *«Там, где покоится зловонный плод, что грешник преподнес на длани своей, произведи я семена мертвецов и разделю его с червями, что...»* – Продолжение терялось в темноте.

– Что это? Слова?! – воскликнула антрополог.

Да, слова.

– Из чего они? – подключилась топограф.

Какая ей разница из чего?

В свете фонарей предложение отбрасывало пляшущие тени, как бы насмехавшиеся над моими тщетными попытками понять его смысл. Там, где покоится зловонный плод...

– Сейчас, подождите. Нужно подойти поближе. – Так ли мне это было нужно? Да.

Из чего же вы сделаны?...

Я даже не задумывалась об этом, хотя должна была. Я билась над значением написанного – тут не до сбора образцов. Но, слава богу, топограф задала этот вопрос: он помог перебороть навязчивое желание спустаться все дальше и дальше в темноту, читать и читать, пока текст не кончится. Слова эти нашли в моем сознании плодородную почву и не замедлили пустить корни.

Подойдя ближе, я взгляделась в первую часть предложения. Затейливые письмена были образованы некой густой, отстающей от стены растительностью, которую неспециалист принял бы за папоротниковидный мох. На самом деле мы, скорее всего, имели дело с разновидностью грибницы или иного многоклеточного организма. От букв тянуло сыростью, в которой угадывался запах меда. Миниатюрный лес едва заметно раскачивался, как водоросли на дне моря.

В крошечной экосистеме обитали какие-то существа – полупрозрачные, спрятавшиеся в зеленых зарослях. По форме они напоминали маленькие ладошки, «пальцы» которых венчали ярко-желтые наросты. Повинуясь дурацкому порыву – будто не изучала биологию и не прошла многомесячный курс выживания, – я наклонилась почти вплотную. Если написано, надо непременно прочесть, разве не так?

Было ли то, что произошло потом, к худшему или, наоборот, к лучшему – узнать не суждено. Потревоженный моим движением нарост на одной из ладошек в букве «Т» лопнул, брызнув золотистой пылью. Я мгновенно отпрянула, но все равно почувствовала, как что-то попало в нос, а в ноздри ударил приторный запах засахарившегося меда.

На негнущихся ногах я отошла еще дальше, мысленно помянув одно из самых забористых ругательств топографа. Мне живо представилось, как отреагирует психолог,

когда я всем расскажу, что случилось. Оставалось одно: скрывать, – и этот инстинкт выработался у меня с детства.

Глубоко вдохнув, чтобы унять дрожь в голосе, я сказала:

– Похоже на грибницу, а буквы состоят из спорокарпиев. – Надо было ответить хоть что-то: кто сможет проверить, правда это или нет?

Видимо, внешне я казалась спокойнее, чем была на самом деле. Никакой тревоги со стороны топографа и антрополога, никакого намека на то, что они видели, как мне в лицо брызнула пыльца. Я стояла почти вплотную, а споры были крошечными. *Произведу я семена мертвецов...*

– Грибница? Спорокарпии? – тупо повторила за мной топограф.

– Подобный вид письменности не применяется ни в одном человеческом языке, – сказала антрополог. – Может, так общаются какие-то животные?

Я не смогла сдержать смех.

– Нет, таких животных нет.

Даже если есть, я так и не вспомнила их названия – ни тогда, ни потом.

– Ты ведь шутишь? Шутишь, да? – спрашивала топограф.

Она уже было собралась спуститься, чтобы разоблачить меня, но так и не сдвинулась с места.

– Буквы состоят из спорокарпиев, они же плодовые тела, – повторила я, словно в трансе.

Меня охватило оцепенение и одновременно с ним удушье, будто я не могла дышать – или не хотела, но это тоже была психическая реакция. Я вообще не ощущала никаких физиологических изменений. Впрочем, какая разница: в лагере вряд ли нашлось бы средство от чего-то столь неизвестного науке.

Но главным образом меня парализовала необходимость переварить произошедшее. Слова состоят из симбиотических плодовых тел неизвестного мне вида. Далее буквы выбрасывают споры, и значит, чем глубже мы будем спускаться, тем больше вероятность вдохнуть их и заразиться. Был ли смысл рассказывать остальным? Нет, решила я, это их только напугает. Эгоистично, согласна. И все же важнее было проследить, чтобы они не вдохнули споры сейчас, а позже вернуться с надлежащим снаряжением. Прежде чем делать хоть какие-то выводы, нужно проанализировать экологические и биологические факторы, а информации, как я все больше убеждалась, катастрофически не хватало.

Я вернулась в зал. Топограф и антрополог смотрели на меня так, будто ждали еще каких-то подробностей. Антрополог вообще была на взводе и не переставая вертела головой. Наверное, стоило придумать что-нибудь, чтобы хоть как-то ее успокоить... Но что рассказать им о словах на стене? Это либо небывальщина, либо безумие, а то и все вместе. Будь слова написаны на неизвестном языке, возникло бы гораздо меньше вопросов.

– Нужно выбираться наружу, – сказала я.

Не то чтобы я считала это лучшим вариантом, но следовало оградить спутниц от воздействия спор, пока не выяснится, как они повлияют на меня. Кроме того, останься я здесь, не справилась бы с искушением вернуться на лестницу и читать, читать... Топографу с антропологом пришлось бы удерживать меня силой, и неизвестно, что бы я тогда сделала.

Спорить они не стали. Во время подъема у меня на секунду закружилась голова, хоть мы и находились в замкнутом пространстве. Вместе с этим нахлынул ужас: казалось, стены сделаны не из камня, а из плоти, словно мы попали в глотку какого-то зверя.

Выбравшись наружу, мы рассказали психологу об увиденном, а я процитировала кусок предложения. Она крайне внимательно выслушала нас и решила сама взглянуть на слова. Я не знала, стоит ли ее отговаривать от этого, и в итоге просто предупредила:

– Только смотри сверху, не со ступенек. Кто знает, может, там токсины. Когда вернемся, нужно будет захватить респираторы. – Запечатанный контейнер с ними как раз сохранился с прошлой экспедиции.

– *Без движения нет размышления*, – произнесла психолог, глядя мне прямо в глаза.

Я почувствовала некий импульс, но ничего не сделала и не сказала. Остальные и вовсе как будто не слышали ее слов. Только потом до меня дошло, что это было гипнотическое внушение, предназначенное именно мне.

Очевидно, моя реакция ее удовлетворила, и она спустилась, оставив нас с волнением ждать ее возвращения. А как быть, если она не вернется? Еще меня тревожила собственническая мысль, что ей тоже захочется читать дальше, и она не удержится. Я не знала, есть ли в словах смысл, но страшно хотелось, чтобы он был. Тогда бы лишние сомнения рассеялись, и я стала бы рассуждать логически. Это, по крайней мере, отвлекало от размышлений о том, как действуют споры на мой организм.

К счастью, топограф с антропологом не испытывали желания поговорить. Через четверть часа психолог неуклюже вскарабкалась по лестнице и, моргая, остановилась, пока глаза привыкали к свету.

– Занятно, – бесстрастно произнесла она, выбираясь из проема и смахивая паутину с костюма. – Никогда не встречала ничего подобного... – Она замолчала на полуслове, но, видимо, решила не продолжать.

Ее реакция была более чем странной. Впрочем, так считала не только я.

– Занятно?! – воскликнула антрополог. – Никто и никогда не сталкивался с подобным! Никто! Никогда! И это, по-твоему, всего лишь «занятно»?!

Она была на грани истерики. Топограф молча смотрела на обеих, как на ненормальных.

– Мне тебя успокоить? – спросила психолог металлическим голосом.

Антрополог опустила глаза и что-то неразборчиво пробормотала.

– Нам нужно время, – вклинилась я в возникшую паузу, – чтобы все обдумать и решить, что делать дальше.

Конечно же, под этим подразумевалось, что время нужно мне: чтобы узнать, как действуют споры и придется ли сознаваться в том, что случилось.

– Боюсь, времени-то у нас как раз и нет, – сказала топограф.

Пожалуй, из всех нас она сделала самые правильные выводы: настоящий кошмар только начинался.

Психолог, однако, согласилась со мной:

– Да, нужно время. А пока что займемся тем, зачем нас сюда отправили.

В общем, мы вернулись в лагерь, пообедали и занялись «делами насущными»: собирали образцы и снимали показания, стараясь не отходить от лагеря далеко, словно боялись попасть под влияние башни. Я продолжала отслеживать изменения в своем организме. Бросало ли меня в жар или в холод? Боль в колене – от старой травмы или что-то новое? Я даже поглядывала на красную лампочку, но она не загоралась. Ничего страшного не

происходило, я успокоилась и убедила себя, что споры на меня никак не действуют... хотя и знала, что инкубационный период может длиться несколько месяцев или даже лет. По крайней мере, в ближайшие пару дней мне ничего не угрожало.

Топограф занялась уточнением выданных руководством карт. Антрополог отправилась изучать развалины в полукилометре от лагеря. Психолог осталась в палатке заполнять журнал: может, жаловалась, что ее окружают полные дуры, а может, описывала во всех подробностях утреннюю находку.

Я целый час наблюдала за крошечной красно-зеленой квакшей, сидевшей на листе лопуха, еще час преследовала переливчатую равнокрылую стрекозу (такие водятся только в горах). Потом я забралась на верхушку сосны и смотрела оттуда в бинокль на побережье, где высился маяк. Мне нравилось лазать, а еще мне нравился океан – вид его успокаивал. Воздух здесь был чистым и свежим, совсем не как в мире за границей, где грязь, несовершенство, стрессы, усталость и все воюют со всеми – типичные беды нашего времени. Там я не могла отделаться от ощущения, что вся моя работа сводилась к безуспешным попыткам спасти человечество от самого себя.

Богатство биосферы Зоны Икс наиболее ярко проявлялось в многообразии пернатых: от певчих птичек и дятлов до бакланов и бородавчатых ибисов. С вершины сосны виднелся кусочек солончака, и, внимательно приглядевшись, я целую минуту наблюдала за парой выдр. В какое-то мгновение они подняли головы и повернулись в мою сторону, будто знали, что я на них смотрю. В дикой природе я часто испытывала странное ощущение того, что вещи не всегда то, чем кажутся. С этим ощущением, однако, надо было бороться, иначе оно мешало объективно оценивать реальность.

В районе маяка кто-то – судя по всему, большой и грузный – продирался сквозь тростник, но кто это был, я так и не разглядела. Через некоторое время трава перестала шевелиться, и я окончательно упустила его из виду. Возможно, это был еще один вепрь: они неплохо плавали, питались чем угодно и легко приспосабливались к любому ареалу обитания.

В целом работа в своей стихии пошла нам на пользу. К вечеру напряжение спало, мы немного успокоились и за ужином пытались шутить.

– Как бы я хотела прочитать твои мысли... – призналась мне антрополог.

– Плохая затея, – ответила я.

Она засмеялась. Странно. Я вовсе не хотела знать, что они обо мне думают, их мысли, тревоги, истории из жизни. Зачем им знать мои?

Однако я была не против того, что мы становимся сплоченнее, пусть и на короткое время. Психолог разрешила нам выпить по паре банок пива из запаса алкоголя. Нас немного развезло; я сбивчиво высказала предложение поддерживать связь друг с другом после завершения экспедиции. Я уже прекратила искать в себе какие-то психофизиологические изменения и обнаружила, что мы с топографом ладим – гораздо лучше, чем я ожидала. Мне по-прежнему не нравилась антрополог, но скорее в профессиональном плане, а не из-за какой-то личной неприязни. Она чем-то напоминала спортсменов – тех, которые хороши на тренировках, но на соревнованиях не ахти. Вот и она за все время так и не продемонстрировала необходимой выдержки. Впрочем, то, что она вызвалась пойти в экспедицию, само по себе что-то да значило.

Солнце уже зашло, мы сидели возле костра. Со стороны болот снова донесся ночной стон, и мы в приступе пьяной бравады откликнулись нестройными голосами. По сравнению

с башней нечто из болот казалось старым знакомым. Мы были уверены, что в конце концов сфотографируем его, изучим поведение, окольцуем, присвоим ему место в классификации живой природы – и все, тайна раскрыта. В случае с башней такой уверенности не было.

Однако нечто, видимо, почувствовало, что мы его передразниваем: стоны стали злее и громче. По нашей компании прокатился нервный смешок, и мы замолчали. Психолог посчитала это знаком к тому, что пора обсудить планы на день.

– Завтра мы снова спустимся в туннель, на этот раз глубже, принимая соответствующие меры предосторожности: в частности, наденем респираторы, как предложила биолог. Надеюсь, нам удастся целиком записать текст на стене и выяснить его примерный возраст, а также, возможно, глубину туннеля. Во второй половине дня мы возвращаемся и продолжаем изучать окрестности. Подобный распорядок будет повторяться каждый день, пока мы не соберем достаточно сведений о туннеле и о том, каково его место в Зоне.

Башня это, а не туннель. Она говорила так, будто мы собирались исследовать заброшенный торговый центр... только вот было в ее словах что-то заученное.

Тут она резко встала и произнесла два слова:

– *Консолидация власти.*

Топограф и антрополог мгновенно обмякли, пусто глядя перед собой. Ошарашенная, я скопировала их поведение в надежде, что психолог не заметит отставания. Я не почувствовала никакого импульса, но поняла, что нас запрограммировали входить в транс в ответ на эту команду психолога.

Голос ее изменился, стал более напористым:

– Вы будете помнить, что мы обсудили несколько вариантов действий в отношении туннеля, но в конечном счете согласились принять мой план как самый правильный. Вы будете испытывать спокойствие при мысли об этом плане. Вы вернетесь в туннель, уверенные в себе, но станете действовать по ситуации, как вас учили. Вы не пойдете на *неоправданный риск*. Вы будете видеть строение из ракушечника, – подчеркнула она. – Вы будете полностью полагаться на своих коллег и почувствуете, как становитесь сплоченнее. Когда вы выйдете из туннеля, то всякий раз при виде летящей птицы будете испытывать ощущение, что вы в нужном месте и заняты нужным делом. Когда я щелкну пальцами, вы забудете этот разговор, но продолжите следовать всем моим установкам. Вы почувствуете усталость и захотите разойтись по палаткам, чтобы хорошо выспаться перед завтрашней работой. Вы не увидите снов. Вы не увидите кошмаров.

Все это время я смотрела в точку перед собой. Когда она щелкнула пальцами, я, последовав примеру топографа и антрополога, ушла в свою палатку. Думаю, психолог ничего не заподозрила.

Нужно было немало переварить, причем башней круг вопросов не ограничивался. Мы знали, что психолог должна контролировать нас в стрессовых ситуациях и что для этого она может прибегать к гипнотическим установкам. Вот и сейчас она вроде бы выполняла свои обязанности, как и положено, однако все выглядело крайне подозрительно. Одно дело знать, что тебя могут гипнотизировать, и совсем другое – наблюдать за этим со стороны. Зачем ей внушать нам, что башня из ракушечника? Как еще она могла нами крутить?

И самое главное, теперь я догадалась, что со мной сделали споры: привили невосприимчивость к гипнозу. Я чувствовала себя предателем. Пусть психолог преследовала благие цели, меня охватывала тревога при мысли сознаться ей в том, что гипноз на меня больше не действует. Ведь это также подразумевало, что перестают действовать и

программы, заложенные в нашем обучении.

Теперь я скрывала не одну тайну, а две, и, значит, неуклонно отчуждалась от поставленной задачи и самой экспедиции.

* * *

Отчуждение в том или ином его виде исследователи Зоны Икс испытывали и до меня. Я поняла это, когда нам дали посмотреть видеозапись бесед с возвращенцами из одиннадцатой экспедиции. Как только обнаружилось, что они вернулись домой, их поймали, поместили в карантин и приступили к допросам. В большинстве случаев к руководству обращались родные и близкие, напуганные неожиданным появлением, что неудивительно. Все документы, найденные при возвращенцах, были конфискованы для дальнейшего изучения. Нам тоже разрешили с ними ознакомиться.

Беседы длились не очень долго, и в них все восемь участников экспедиции рассказывали одно и то же. В Зоне Икс не обнаружилось ничего необычного. Никаких необычных внутренних конфликтов не происходило. Однако через какое-то время у каждого возникло непреодолимое желание вернуться, что они и сделали. При этом ни один не смог объяснить, как им удалось пересечь границу и почему они отправились напрямик по домам, а не на доклад к руководству. Просто бросили все, оставили журналы и каким-то образом один за другим перенесли сюда.

Во время беседы они дружелюбно улыбались и смотрели, уставившись в одну точку. Речь их звучала несколько заторможенно, но они вообще вели себя очень спокойно, почти сонно. Я не могла их отличить друг от друга: все были такие, даже военный специалист, коренастый и жилистый, по натуре человек энергичный. У меня сложилось впечатление, что они смотрели на мир как бы сквозь поволоку, а допрашивающие пытались докричаться до них через огромную пропасть во времени и пространстве.

Найденные при них бумаги оказались набросками пейзажей Зоны и небольшими заметками. Некоторые рисовали животных или карикатуры на коллег. Во всех записях и рисунках рано или поздно встречался маяк. Впрочем, искать скрытый смысл в этих бумагах – все равно, что искать его в окружающем мире: даже если он есть, то для каждого свой.

В то время мне хотелось покончить со всем, и я искала в пустых и чужих лицах, даже до боли знакомых, своего рода избавления. Намека на то, что умереть – не значит прекратить жить.

02: Внедрение

Наутро я обнаружила, что ощущаю все необычайно остро: я могла разглядеть каждую складку на сосновой коре или мелькнувшего среди деревьев дятла. Усталость, оставшуюся с четырехдневного марш-броска до базового лагеря, как рукой сняло. Еще один эффект воздействия спор или просто сказывается здоровый сон? Я ощущала поистине небывалый прилив сил, так что мне было все равно.

Однако вскоре ужасная новость заставила меня вернуться с небес на землю: антрополог исчезла, от нее осталась лишь пустая палатка. Еще больше настораживал вид психолога: глаза красные, руки дрожат, волосы растрепаны сильнее обычного, а ботинки в грязи. Она держалась за правый бок, как раненая.

– Где антрополог? – надела на нее топограф, я же решила промолчать, пытаюсь составить собственную картину случившегося.

Хотелось спросить: «Что ты сделала с антропологом?» – вот только не с чего. Психолог вела себя так же, как и всегда. Да, я знала, какие фокусы она с нами вытворяет, но это вовсе не повод делать из нее врага.

Ответ психолога оказался неожиданным и совсем не успокаивал:

– Я разговаривала с ней перед сном. То, с чем мы столкнулись в... здании... напугало ее – настолько, что она решила покинуть экспедицию. Сейчас она на пути к границе, где будет ожидать извлечения. У нее с собой текущий отчет, чтобы сообщить руководству о проделанной работе.

На ее лице – как всегда, в самый неподобающий момент – появилась тонкая ухмылка. У меня зачесались руки.

– Она оставила все снаряжение, даже пистолет, – заметила топограф.

– Она взяла только самое необходимое, чтобы у нас было больше припасов и дополнительное оружие.

– По-твоему, нам понадобится дополнительное оружие? – спросила я.

Мне правда было любопытно: в какой-то мере психолог занимала меня не меньше башни. Каковы ее мотивы? Ее логика? Почему бы не прибегнуть к гипнозу сейчас?... Видимо, есть вещи, которые не поддаются внушению. А может, с каждым последующим разом действие гипноза слабеет. Или у нее нет сил после того, что произошло ночью.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться, – ответила психолог. – Но нам определенно не нужны люди, не способные выполнять свою работу.

Мы с топографом уставились на психолога. Топограф скрестила руки на груди. От нас требовали внимательно следить за коллегами на случай резкого ухудшения их психического самочувствия. Вероятно, мы обе сейчас думали об одном и том же: нужно сделать выбор. Либо поверить психологу на слово, либо же обвинить ее во лжи и, как следствие, остаться без лидера в критической ситуации. А если мы захотим пойти по направлению к границе, чтобы проверить ее рассказ, и нагоним антрополога... хватит ли у нас смелости снова вернуться в лагерь?

– У нас есть план, и его надо придерживаться. Необходимо продолжить изучение... башни. – Психолог явно пыталась склонить меня на свою сторону.

Топограф колебалась, борясь с внушением, сделанным накануне: еще один повод для тревоги. Я не собиралась уходить из Зоны Икс, не исследовав башню, – этого требовала

каждая клеточка моего организма. В общем, мне не хотелось терять очередную спутницу и оставаться с психологом один на один. Я ей не доверяла и к тому же по-прежнему не знала, как споры действуют на мой организм.

– Согласна. Нужно продолжить выполнение задания. Мы справимся и без антрополога.

Я пристально посмотрела на топографа, тем самым давая обеим ясно понять: позже мы обязательно вернемся к вопросу о том, что же случилось ночью. Топограф угрюмо кивнула и отвернулась. Психолог вздохнула – то ли от облегчения, то ли от усталости.

– Значит, решено, – сказала она и, отодвинув топографа, пошла готовить завтрак.

До этого завтрак всегда готовила антрополог.

* * *

Когда мы пришли к башне, расклад сил снова изменился. Мы с топографом набили рюкзаки едой и питьем на целый день, взяли оружие, надели респираторы для защиты от спор (хотя мне уже было поздно) и каски с закрепленными на них фонариками. Психолог в этих приготовлениях не участвовала.

– Я останусь караулить, – сказала она.

– На случай чего? – спросила я недоверчиво.

Мне не хотелось упускать ее из виду. Идти нужно было всем вместе, на равных: оставшись наверху, она получала полную власть над нами.

Топографу это тоже не понравилось.

– Пойдем с нами, – чуть ли не умоляла она дрожащим голосом. – Втроем безопаснее.

– Будет лучше, если кто-то останется охранять вход, – сказала психолог и вставила в пистолет обойму. Лязг металла прозвучал неожиданно громко.

Топограф сжала винтовку с такой силой, что побелели пальцы.

– Ты идешь с нами.

– Идти всем вместе – *неоправданный риск*, – произнесла психолог с нажимом, и по интонации я поняла, что это было внушение.

Топограф ослабила хватку. Почти секунду ее лицо не выражало ничего.

– Ты права, – сказала она. – Конечно же, ты права. Так будет лучше.

Двое против одного. По спине у меня пробежали мурашки.

Психолог повернулась ко мне, и я спокойно выдержала ее взгляд. В голову приходили жуткие мысли о том, что она сделает дальше: перекроет вход к нашему возвращению? Или перестреляет поодиночке, стоит нам выйти на свет?... Вот только одно «но»: она могла перебить нас всех спящими когда угодно.

– Да, тебе необязательно идти с нами, – произнесла я через мгновение. – Твое место здесь.

И под пристальным взглядом психолога мы начали спускаться. Как накануне.

* * *

Едва мы спустились в первый зал, еще до того, как вошли под арку и увидели написанный на стене текст... я почувствовала, что башня дышит, причем не только дышит, но

и пульсирует, словно где-то в ее недрах бьется сердце. Стены по-прежнему ничем не выделялись, разве что от них теперь исходило серебристое свечение... а вот на ощупь они были не из камня, а из плоти! Перед глазами все поплыло, и я осела на пол. Топограф тут же подскочила ко мне и принялась поднимать. Когда я наконец встала на ноги, меня, кажется, трясло. Не знаю, получится ли как следует передать словами то, что я поняла: башня – живая. *Мы внутри какого-то организма.*

– Что случилось? Ты меня слышишь? – Из-за респиратора голос топографа звучал приглушенно.

Я схватила ее за руку и прижала ладонью к стене. С криком «Пусти!» она попыталась вырваться, но я держала.

– Чувствуешь? Хоть что-нибудь? – спрашивала я.

– Что я должна чувствовать? О чем ты?

Она была напугана: ясное дело, с ее точки зрения, я сошла с ума. Но это меня не останавливало.

– Стена пульсирует. Чувствуешь?

Я отпустила ее руку и отошла. Топограф глубоко вдохнула и задержала ладонь на стене.

– Нет. Хотя... Нет, ничего.

– А стена? Из чего она?

– Из камня, конечно же.

В свете фонарика она была похожа на мертвеца: вместо глаз огромные черные провалы, носа и рта нет – их скрывает респиратор.

Я набрала в легкие воздуха. Мне хотелось вывалить все сразу: у меня в организме споры, психолог прибегает к гипнозу чаще, чем мы думаем, *стены сделаны из живой ткани.* Но я сдержалась. «Соберись, тряпка!» – говаривал мой муж. Так я и сделала. Раз топограф не в состоянии увидеть и почувствовать то же, что и я, и не было способа ее заставить, приходилось притворяться. Нам нужно идти.

– Проехали, – сказала я. – Минутное помрачение.

– Слушай, давай выбираться. Ты не в себе.

Нам говорили: в Зоне Икс у многих начинаются галлюцинации. Скорее всего, топограф подумала, что со мной так и случилось.

Я взглянула на черную коробочку.

– Отбой, лампочка не горит. Все в порядке. – Нужно было разрядить обстановку, хотя шутка вышла натянутой.

– У тебя галлюцинации, – не унималась топограф.

А ты вообще ничего не видишь.

– Наверное, – кивнула я. – Но мы должны сообщать друг другу обо всем, ведь так? И если я заметила то, чего не замечаешь ты, может, это имеет значение?

Топограф на секунду задумалась, взвешивая мои слова.

– Как ты?

– Нормально, – соврала я. – Мерещиться перестало.

Сердце билось, как зверь в клетке, пытаюсь вырваться наружу. Бледное свечение начало переползать со стены на топографа. Нет, ничего не перестало. Ничего не нормально.

– Тогда идем дальше, – сказала топограф. – Но если вдруг снова увидишь что-то необычное, то сразу скажи. Обещаешь?

Помнится, я едва удержалась от смеха. Необычное? Странные письма из крошечных

неизвестных организмов на стене – подойдет?

– Обещаю. Но и ты тоже говори, хорошо? – Я решила поставить ей такое же условие: пусть поймет, что и она не застрахована от подобного.

– Угу. Только еще раз дотронешься до меня – и я за себя не отвечаю. – Ей не нравилось, что я сильнее ее.

Я согласно кивнула.

Обменявшись пустыми обещаниями, мы начали спускаться по лестнице в нутро башни. Нас окружало невиданное разнообразие жизни: ужасающей, но вместе с тем прекрасной. Мозг едва успевал все это воспринять, но я заставляла себя, впрочем, как всегда, с тех пор, как стала биологом.

* * *

Меня иногда спрашивают, почему я стала биологом. Это идет из детства, из дома, где я выросла, и заросшего бассейна на заднем дворе. Моя мать была художницей – и довольно успешной, – пока не пережила нервный срыв, из-за чего пристрастилась к алкоголю и растеряла заказчиков. Отец был бухгалтером без постоянного места работы, зато всегда с парой-другой идей, как побыстрее разбогатеть, но из них редко выходило что-нибудь путное. Оба не могли сосредоточиться на чем-то одном на сколько-нибудь длительное время. Порой я думала, что меня им подбросили.

Бассейн был небольшой, в форме фасолины, но даже на него у родителей не хватало ни времени, ни желания. Вскоре после того, как мы сняли дом, вокруг бассейна вымахала трава – преимущественно осока, кустарничек поглотил цепь, натянутую в качестве ограждения, между плитами, которыми была вымощена дорожка, пророс мох. Шли дожди, воды все прибывало, и от размножившихся водорослей она стала соленой. Над ней постоянно кружились стрекозы. Появились жабы, а вместе с ними множество хвостатых точек – головастики. Расплодились водомерки и другие водные насекомые. Когда родители заставили меня избавиться от столитрового аквариума, я выпустила рыбок в бассейн – некоторые даже пережили резкую смену обстановки. Привлеченные рыбой, лягушками и насекомыми, к нам повадились местные птицы: цапли и кваквы. Каким-то чудом в бассейне завелись маленькие черепахи, но как они туда попали, не представляю.

Всего за несколько месяцев бассейн превратился в полноценную экосистему. Я тихонечко проходила за скрипящую калитку, садилась на проржавевший шезлонг, который поставила в дальнем углу двора, и смотрела. Я всегда любила бывать рядом с водоемами, хоть и страшно боялась утонуть.

Мать с отцом в это время сидели дома и занимались всякими скучными «взрослыми» делами, иногда громко. Я не обращала на них внимания, погруженная в свой мирок.

Моя хроническая замкнутость беспокоила родителей, и они читали нудные нотации, будто хотели убедить меня, что занимаются моим воспитанием. У меня мало (читай – нет) друзей, увещевали они, мне пора зарабатывать деньги... А когда я говорила им, что мне пришлось прятаться от хулиганов в пустых гравийных ямах за школой, как трусливому муравьиному льву, или когда однажды в очереди в столовую я разбила однокласснице нос – «просто так», она всего лишь поздоровалась со мной, они не знали, что ответить.

Так мы и жили: у них своя жизнь, у меня своя. Больше всего я любила играть в биолога,

хотя и не знала точно, чем они занимаются, а из игры часто вырастает реальная копия того, чему ты подражаешь. Я вела дневники наблюдений за бассейном, могла отличать лягушек друг от друга (конечно же, Прыгунок совсем не похож на Квакунью) и знала, в каком месяце в траве закопошится их молодняк. Я знала, какие цапли живут у нас круглый год, а какие улетают на зиму. Различать жуков и стрекоз было сложнее, как и рассчитать их жизненные циклы, но я все равно упорно старалась в этом разобраться. Кстати, книг по экологии и биологии я в руки не брала: хотела до всего дойти самостоятельно.

Братьев и сестер у меня не было, и я настолько привыкла к одиночеству, что могла наблюдать за своим миниатюрным раем хоть целую вечность. Я даже смастерила камеру для подводной съемки, прицепив к фотоаппарату водонепроницаемый фонарик и протянув длинный провод к кнопке спуска: оставалось только опустить это приспособление в мутную воду и попробовать сделать снимки. Не знаю, сработало бы или нет, так как внезапно у меня кончилось время. Родители вконец разорились, на аренду дома денег не хватало. Мы переехали в крошечную квартиру, половину которой занимали картины матери, на мой взгляд, больше похожие на обои. Утрата бассейна стала моей самой серьезной детской травмой. Увидят ли новые хозяева его красоту и оставят таким, как есть, или беспощадно уничтожат все и вернут ему первоначальный облик?

До сих пор не знаю. Я так и не решилась приехать туда, хоть это место и было ценнее всякого сокровища. Мне оставалось лишь смотреть в будущее и искать применение знаниям, полученным в ходе наблюдения за живым миром бассейна. Хорошо это или плохо, но я старалась никогда не оглядываться. Если проект переставали финансировать или изучаемую территорию выкупала под застройку какая-нибудь крупная организация, я все бросала и уходила. Есть потери, пережить которые во второй раз нельзя. Есть привязанности такие глубокие, что когда они рвутся, ты это слышишь.

Спускаясь в башню, я снова, впервые за долгое время, почувствовала жажду открытий, как в детстве. Но меня не покидало предчувствие, что все вот-вот оборвется.

* * *

Там, где покоится зловонный плод, что грешник преподнес на длани своей, произведу я семена мертвецов и разделю его с червями, что...

Ступеням – белым, похожим на зубы фантастического зверя, – не было конца. Мы шли и шли по ним, поскольку больше было некуда. Порой мне хотелось видеть только то, что видела топограф. Теперь я понимала, от чего нас пыталась оградить психолог. Кстати, интересно, как она сама выдержала это зрелище: ее-то защищать было некому...

Поначалу я видела «всего лишь» слова, но и этого хватало сполна. Они тянулись вдоль внутренней стены примерно на одной и той же высоте. На первых порах я записывала их, но текст оказался невероятно длинным, смысл то возникал, то терялся, и следовать за ним значило идти в никуда. Мы с топографом сразу же договорились: сейчас фиксируем только само наличие слов, а фотографировать бесконечное предложение будем в другой день.

...и разделю его с червями, что копошатся во тьме и питают мир своими соками, а из полутемных залов иных пространств тянутся тени, коих не должно быть, жаждущие наконец увидеть и быть увиденными...

Не замечать зловещий текст было невозможно. Он преследовал нас, проникал в наши

разговоры, когда мы пытались зарегистрировать то, что видели вдвоем. Либо психолог намеренно «позволила» нам видеть слова и как они написаны, либо наше сознание и без того плохо справлялось с подавлением настоящего облика башни.

Спускаясь в темноту, мы обе чувствовали, что воздух стал прохладным и сырым, в нем появился сладковатый запах нектара. Мы обе видели крошечных ладонеобразных существ, обитающих среди букв. Потолок оказался выше, чем мы предполагали, и на нем в свете фонарей блестела паутина следов, оставленных улитками или слизнями. То тут, то там виднелись островки мха и лишайника, между которыми, демонстрируя удивительную цепкость, бродили на длинных лапках-ходулях прозрачные пещерные амфиподы.

Кое-что видела только я. Стены, ритмично пульсирующие в такт дыханию башни. Слова, мерцающие и меняющие цвет, как каракатицы. В нескольких сантиметрах над словами и под ними виднелись следы предыдущего текста, написанного тем же почерком. Они напоминали водяной знак на стене – бледно-зеленый или бледно-фиолетовый оттиск, в котором только при пристальном рассмотрении угадывались буквы. Как правило, фразы повторяли основной текст, но некоторые отличались.

Пока топограф фотографировала отдельные слова, я улучала минутку, чтобы прочесть «умерший» текст и найти различия. Читался он с трудом: одни фразы накладывались на другие, то обрываясь, то начинаясь снова, и отделить их друг от друга порой становилось невозможно. Слоев было много, и это позволяло предположить, что процесс шел долгое время. Увы, я не имела никакого представления о длине «цикла», так что не могла прикинуть даже приблизительный возраст текста.

На стене встречались и другие надписи. Я не была уверена, видит ли их топограф, поэтому на всякий случай решила удостовериться.

– Тебе это знакомо? – спросила я, указывая на переплетенную вязь, которая тянулась чуть ниже и чуть выше старого текста.

Я не сразу распознала упорядоченный узор: что-то вроде сцепившихся друг с другом скорпионов. Непонятно было, язык ли это вообще – больше похоже на декоративный орнамент.

Слава богу, топограф тоже его видела.

– Нет, не знакомо, – сказала она. – Хотя я в этом не разбираюсь.

Захотелось выругаться, но не на спутницу. Увы, ни у нее, ни у меня не хватало знаний, чтобы разобраться с этой загадкой: здесь нужен лингвист. Мы сколько угодно могли бы смотреть на эту вязь, но я все равно видела в ней разросшийся коралл, а топографу, наверное, она больше напоминала схематичное изображение реки с притоками.

В конце концов все-таки удалось выудить несколько читаемых фрагментов:

«Мне нет покоя, пока миром правит зло...»

«Кто знает цену терпению и дарит прощение, тот достоин Божьей любви...»

«Избран в услужение высшей силе...»

Основное предложение напоминало мрачную малопонятную проповедь – эти отрывки, впрочем, отличались от нее только меньшим пафосом.

Что это? Выдержки из чьих-то записок, может, участников прошлых экспедиций? Если да, то зачем они тут и как давно появились?

[Купить полную версию книги](#)